

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
4 February 2019
Russian
Original: English and Russian

**Комитет по использованию космического
пространства в мирных целях**
Шестьдесят вторая сессия
Вена, 12–21 июня 2019 года

**Исследование проблемы толкования государствами
по собственному усмотрению базовых правовых
принципов и норм, относящихся к безопасности
в космическом пространстве**

Рабочий документ, представленный Российской Федерацией¹

1. Целью настоящего рабочего документа является выявление и описание проблем, связанных с известными или потенциальными расхождениями в толковании государствами по их собственному усмотрению (т.е. согласно принятым суждениям) принципов и норм международного права, относящихся к безопасности в космическом пространстве. В рабочем документе также рассматривается вопрос о том, насколько целесообразно было бы систематизировать понимание в отношении того, в какой степени государства могут действовать по собственному усмотрению, давая толкования указанным принципам и нормам и реализуя их.

2. Государства действительно поступают по собственному усмотрению, когда дают толкование ряду существенно важных для безопасности в космосе положений Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года, а также Устава Организации Объединенных Наций (ввиду того, что он в полной мере применим к космическому пространству). Такие положения содержатся, в частности, в статье IX Договора по космосу, в которой предписывается избегать потенциально вредных помех космической деятельности других государств. Разработка метода, позволяющего объективно и в абсолютных категориях определить вредный характер помех, может в решающей степени способствовать достижению соответствующего согласованного понимания. В этом контексте было бы уместно обратиться к важному вопросу толкования правовых оснований и модальностей задействования в гипотетическом случае права на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций применительно к космическому пространству. Достижение согласия относительно корректного толкования международной нормы в

¹ Настоящий рабочий документ был распространен Секретариатом на шестьдесят первой сессии Комитета по использованию космического пространства в мирных целях в виде документа зала заседаний (A/AC.105/2018/CRP.17) только на английском и русском языках.

данном случае — дело очень сложное, учитывая, среди прочего, то обстоятельство, что в рамках некоторых национальных систем регулирования статья 51 в действительности заменена радикальной концепцией самообороны в космосе, предусматривающей превентивную, упреждающую и предвосхищающую самооборону. Суть проблемы усложняется еще в большей степени тем, что в рамках тех же самых юрисдикций утверждается, что самооборона в космосе является давно сложившейся нормой обычного права.

3. Прослеживается заметная тенденция к внедрению в политический и академический лексикон своего рода «новых принципов» для регламентации космической деятельности, таких, как «принцип свободы действий в космическом пространстве», который самым существенным образом отличается от концепции статьи I Договора по космосу. В результате совмещения положений статей I и IX указанного Договора часто делаются ссылки на «право на доступ в космическое пространство без помех». Политики и эксперты уже говорят о «свободном доступе к космическому пространству». В то же время Договор по космосу (статья I) предусматривает «свободный доступ» только во «все районы небесных тел». В данном контексте вполне понятно, что доступ предполагает реальное физическое присутствие. Беспрепятственный доступ к околоземному космическому пространству в действительности не может быть гарантированно обеспечен по объективным причинам перенаселенности определенных орбит. Не существует абсолютной свободы доступа к радиочастотному спектру, использование которого регулируется с тем, чтобы избегать вредных радиочастотных помех. Кроме того, не могут не создавать серьезной правовой двусмысленности беспрецедентные законодательные меры, предпринятые в рамках некоторых юрисдикций и касающиеся космических ресурсов, в результате которых фактически заявлено новое прочтение фундаментальной нормы, запрещающей национальное присвоение космического пространства, включая небесные тела. И, наконец, на политическом и экспертном уровнях все чаще делаются ссылки на «национальную и коммерческую (частную) деятельность в космическом пространстве». Такое «новшество» преследует цель дезинтегрировать понимание, следующее из статьи VI Договора по космосу, которая содержит единое понятие «национальная деятельность в космическом пространстве», включающее деятельность неправительственных юридических лиц. Попытки придать совершенно новые значения общеизвестным правовым принципам и нормам могут только усугубить проблему обеспечения безопасности в космосе.

4. Космическое пространство пока не было местом возникновения разногласия или конфликта, которые могли бы привести к возникновению напряженности в отношениях между государствами с серьезными последствиями и спровоцировать нестабильность. До недавнего времени не было попыток посягнуть на непререкаемые договорные обязательства. Сейчас же ухудшение положения дел с соблюдением международного права в целом и риск того, что заложенные в Договор по космосу концепции и идеалы будут оспариваться, ставиться под сомнение или же пересматриваться в одностороннем порядке под предлогом их несоответствия реальности, могут отрицательно сказаться на показателях безопасности, характеризующих ситуацию в космическом пространстве, а также подвергнуть риску стабильное и предсказуемое взаимодействие между государствами.

5. Договор по космосу предусматривает вполне определенные обязанности, основанные на солидных этических стандартах, которые были разработаны с целью содействия поддержанию условий стабильности в космическом пространстве. Однако то, насколько прочно государства придерживаются морального смысла соответствующих правовых положений, в решающей степени определяется самими государствами. К примеру, статья III конкретно предусматривает обязательство государств осуществлять деятельность по исследованию и использованию космического пространства в интересах поддержания мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания. В таком случае возникает вопрос: как подобное обязательство соотносится с тем

фактом, что национальное регулирование космической деятельности в рамках некоторых юрисдикций, как представляется, имеет свою собственную логику, генерируя совокупность доктрин и операционных стратегий, которые контрастируют с основополагающими нормами международного права, предусматривая право отказывать другим государствам в доступе к космическому пространству? Следует отметить, что подобные поведенческие опции, подразумевающие принудительное воздействие на иностранные космические объекты, даже не обуславливаются экстраординарными обстоятельствами, такими как объявление состояния войны или задействование права на самооборону, а, скорее, служат неотъемлемой частью политики планирования космических операций.

6. Приведенные выше примеры демонстрируют, что многое зависит от политических подходов и поведения государств — ведь именно они выносят решения о том, насколько их конкретные действия и их национальное регулирование соотносятся с международными обязательствами. Соответственно, есть необходимость в том, чтобы в рамках Комитета по использованию космического пространства в мирных целях предпринимались осознанные и тщательно выверенные усилия на систематической основе к тому, чтобы государства высказались в пользу преодоления той неоднозначности, которая на политическом уровне характеризует толкование международного космического права и его соотношения с национальным регулированием. Очень важная задача заключается в том, чтобы выработать эффективный подход к классификации конфликтных и предконфликтных ситуаций в космическом пространстве. Основное назначение такой деятельности состояло бы в прояснении диапазона фундаментальных и вновь возникающих вопросов, относящихся к безопасности в космическом пространстве. Здравый смысл и прагматические соображения должны служить теми отличительными побудительными мотивами, которыми будет необходимо руководствоваться в работе. Понимание, к достижению которого в данном случае следует стремиться, призвано составить эффективную и разумную альтернативу эгоцентричным подходам к разрешению конфликтов интересов в космическом пространстве.

7. Национальная космическая политика Российской Федерации предусматривает, что ее национальные интересы в космическом пространстве обеспечиваются всеми доступными в рамках международного права средствами, включая право на самооборону в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. В то же время Российская Федерация выдвинула крупную инициативу о том, чтобы правовые основания и модальности задействования в гипотетическом случае права на самооборону в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций применительно к космическому пространству были проанализированы Комитетом в попытке достигнуть договоренности по этим вопросам. В случае успеха этого мероприятия политическую и правовую силу договоренности придавал бы факт ее одобрения Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности. Значение такой договоренности, одобренной двумя органами, было бы трудно переоценить. Проблему вполне возможно прояснить в рамках коллективного мыслительного процесса, если проявить упорство и добрую волю. В аналитическом отношении выработка подходов к решению вопросов самообороны в космосе представляла бы собой дополнительное измерение решения проблемы обеспечения безопасности космических операций.

8. В своем рабочем документе [A/AC.105/L.294](#) Российская Федерация предложила эффективный подход к разделению по категориям тех ситуаций, которые потенциально могли бы привести к конфликтам интересов или полномасштабному конфликту в космическом пространстве. Представляется, что все необходимые для описания таких ситуаций основные и в достаточной мере исчерпывающие критерии определены. Достаточность и обоснованность предложенной системы дифференциации обстоятельств, способных приводить к конфликту, вполне можно было бы дополнительно исследовать, добавив точности в описание характера, причин и последствий событий в космическом пространстве, а также элементы, содержащие описание моделей разумного поведения

государств. Чем более развернутым будет точное описание различных ситуаций, требующих сдержанного реагирования, тем более практичными станут усилия по предотвращению опасного развития ситуации или угроз миру и безопасности в космическом пространстве. Кроме того, в указанном рабочем документе содержится вопросник, который составлен Российской Федерацией для потенциального использования в качестве способа сбора идей и информации с тем, чтобы государства могли поделиться своими взглядами.

9. Вопрос прояснения модальностей задействования права на самооборону в космосе пока не стал «лидером общественного мнения» в Комитете и объектом пристального внимания делегаций, хотя и в силу разных причин. Кто-то считает, что сама эта тема характеризуется негативным смысловым содержанием и ущербна по отношению к этике использования космоса. Правильным решением в данном конкретном случае было бы не воспринимать тему эмоционально, а действовать прагматически. Другие же, полностью осознавая необходимость в таком интеллектуальном упражнении, воздерживаются от рассмотрения этой темы по той причине, что оно было бы связано с обсуждением щекотливых в политическом отношении вопросов. В отсутствие в Комитете политического настроя поддержать инициативу о том, чтобы совместными усилиями достигнуть единого толкования самообороны в космическом пространстве, Российская Федерация не станет бесконечно приводить свои доводы в ее пользу. Если государства предпочтут свести на нет это разумное предложение, это будет их решением. То обстоятельство, что некоторые государства предпочитают придерживаться весьма специфической концепции самообороны в космическом пространстве, означает, что у Российской Федерации не остается иного выбора, кроме как обеспечивать разработку методов и средств реагирования на существующие и прогнозируемые угрозы, опираясь исключительно на собственное понимание текущей ситуации в космическом пространстве и собственные оценки ее развития.

10. Фактическим подтверждением юридической корректности проведения разграничения между ситуацией, когда возникают правовые основания для задействования права на самооборону, с одной стороны, и случаем, когда требуется адекватная реакция на применение силы, — с другой, служат разработанные Комиссией международного права и в 2001 году принятые к сведению Генеральной Ассамблеей (в резолюции [56/83](#)) статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Согласно этим статьям, имеющим важное значение для развития института ответственности в системе международного права и обеспечения эффективного функционирования относящихся к этой сфере регулирования принципов и норм, противоправность конкретного деяния государства исключается, если деяние является либо законной мерой самообороны, принятой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, либо контрмерой против государства, ответственного за международно-противоправное деяние. Одновременно предусматривается, что контрмера не может затрагивать закрепленного Уставом Организации Объединенных Наций обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, должна быть соразмерной причиненному вреду с учетом тяжести международно-противоправного деяния и затронутых прав. Также оговаривается, что государство вправе принимать такие неотложные контрмеры, которые необходимы для обеспечения его прав. Состояние необходимости может служить основанием для того, чтобы какое-либо деяние не рассматривалось в качестве противоправного и не соответствующего международно-правовому обязательству, если такое деяние, во-первых, является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности, и, во-вторых, не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует указанное выше международно-правовое обязательство, или международного сообщества в целом.

11. Следует отметить, что термин и понятие «противоправное деяние, совершенное в космическом пространстве», активно не используется. Не так просто

привести случаи, когда какому-либо государству реально вменялось обвинение в совершении в космосе противоправного деяния. Безусловно, все понимают, что вывод государством — участником Договора по космосу на орбиту ядерного оружия, конечно же, было бы противоправным поведением. Неправомерным поведением явилось бы создание на Луне и других небесных телах военных баз, сооружений и укреплений. Проблема в том, что не все правовые положения с исчерпывающей полнотой формулируют то, что, собственно, следует понимать под правильным поведением, а что должно квалифицироваться в качестве неправомерного действия. Возможно, было бы просто выявить неправомерное посягательство на интересы в космическом пространстве достаточно крупного масштаба. Намного сложнее объективно и на основе абсолютных показателей определить и измерить «вредные помехи». Этот термин охватывает все ситуации. За исключением сферы телекоммуникаций, не существует четких процедур защиты космической деятельности от вредных помех применительно к случаям, когда подобные помехи не оказывают таких негативных последствий, при которых пришлось бы задействовать Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 года. Действительно, статья IX Договора по космосу содержит положения, скорее, общего характера. Могут ли в таком случае государства определить надлежащий способ усовершенствования положений этой статьи?

12. Представляется, что подобрать точный метод, который использовался бы для объективной оценки того, что является вредной помехой, — не столь простая задача. На перспективах установления общих нормативов (критериев), в соответствии с которыми должно определяться понятие «вред», сказывается еще одна проблема. Заключается она в том, что статья IX Договора по космосу нацелена на решение проблемы потенциальных вредных помех, которые могут быть созданы деятельности других государств или любой деятельности «в деле мирного исследования и использования космического пространства». К сожалению, международное право не способствовало выработке правового определения того, что в рассматриваемом контексте реально означает слово «мирное»/«мирный». Судя по дискуссиям в академических кругах, выбрать здесь можно по существу один из двух вариантов: в первом случае мирное использование космоса ассоциируется с его невоенным использованием, а во втором — мирное использование приравнивается к неагрессивному использованию космоса. Усилия по формулированию по инициативе Бразилии и других стран политического обязательства государств использовать космическое пространство только для мирных целей, предпринимаемые в контексте разработки в Научно-техническом подкомитете Комитета свода руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, подтверждают свое большое практическое значение. Достижение согласия по этой теме способствовало бы более практичному пониманию объема нормы, содержащейся в статье IX Договора по космосу, и того, как эта норма должна функционировать. Российская Федерация была среди тех государств, которые придали формирующемуся понятию «осуществление деятельности по исследованию и использованию космического пространства только в мирных целях» дополнительное реалистическое измерение. Как представляется, сейчас есть понимание, что концепция мира в космическом пространстве не должна отрицать использование космических технологий в интересах деятельности по мониторингу, а также ряд практических применений космических технологий, посредством которых поддерживаются национальная и международная безопасность. Такие подвижки в подходах в направлении учета реальных обстоятельств повышают уровень доверия к инициативе и дают возможность расширить взгляд на практические аспекты, требующие внимания. Эта тема корреспондируется с отдельным сегментом регулирования, достигнутым в рамках соглашений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки и между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в области контроля над ядерными вооружениями. Они включают норму о невмешательстве в функционирование национальных технических средств контроля. Стороны также взяли на себя обязательство

использовать эти средства в соответствии с общепринятыми принципами международного права. Намерение в данном случае состояло в том, чтобы предотвратить вмешательство в функционирование космических систем разведки и раннего предупреждения. Такое же обязательство содержится в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года.

13. В действительности у проблемы толкования статьи IX Договора по космосу имеются и другие аспекты. Положения этой статьи мотивируются идеей проведения консультаций для разрешения проблем, связанных с вредными помехами. Однако в статье не рассматривается ситуация, когда консультации либо не созываются, либо заканчиваются безрезультатно. В статье речь идет о помехах деятельности в мирном исследовании и использовании космического пространства. В таком случае получается, что, с формальной точки зрения, государство, как представляется, может и не инициировать консультации с другим государством для урегулирования вопроса о возможных помехах, если оно предполагает, что деятельность или эксперимент, запланированные им самим, создадут потенциально вредные помехи деятельности этого другого государства, которая, согласно его собственным оценкам, не представляет собой «деятельность в деле мирного исследования и использования космического пространства». Тем не менее, любое государство может предложить любому другому государству провести консультации в случае, если оно рассматривает деятельность или эксперимент, запланированные этим государством, как способные создать потенциально вредные помехи неоговоренной и по существу любой «деятельности в деле мирного исследования и использования космического пространства». В принципе, государство, планирующее или осуществляющее деятельность или эксперименты, может отказать в проведении консультаций, если оно считает, что деятельность, на которую предположительно может быть оказано вредное воздействие, не представляется «мирной». Так или иначе, Договор не содержит предписаний относительно необходимости удовлетворить запрос на проведение консультаций.

14. Морские державы довольно успешны в достижении соглашений о том, что считать опасными видами деятельности в открытом море и в воздушном пространстве над ним, которых следует избегать. В соответствующих соглашениях предусматриваются способы проявления осторожности и принятия самоограничительных мер и, в целом, соблюдения стандартов вежливого поведения. Такое регулирование преследует цель сделать так, чтобы государства не переходили критические пороги. Возможно, было бы полезно рассмотреть подобные подходы в контексте ведущихся в Комитете дискуссий по вопросам безопасности в космосе, резервируя в данном случае — как опцию — возможность использования соответствующих компетенций Межагентского координационного комитета по космическому мусору. Выработка подобного регулирования применительно к космическому пространству может оказаться разумной мерой. Например, в Соглашении между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 года изложено понимание относительно мер, направленных на улучшение безопасности плавания кораблей их соответствующих вооруженных сил в открытом море. В частности, предусматривается, что:

а) Во всех случаях корабли, действующие вблизи друг от друга, должны оставаться на достаточном удалении, чтобы избежать риска столкновения. (Применительно к космическим операциям аналогичное понимание могло бы заключаться в том, что во всех случаях, когда спутники работают вблизи друг от друга, операторы должны применять такую стратегию удержания на орбите, которая обеспечивала бы предотвращение столкновений.)

б) Корабли, встречающиеся с соединением кораблей другой Стороны или действующие вблизи от него, избегают такого маневрирования, которое затруднило бы выполнение маневров этим соединением. (Применительно к космическим операциям аналогичное понимание могло бы заключаться в том, что

спутники одного государства, которые работают вблизи существующей спутниковой формации (группы спутников, выполняющих скоординированный полет) под юрисдикцией и/или контролем другого государства/других государств, должны координировать свои собственные операции маневрирования с операциями формации.)

с) Соединения кораблей не будут проводить маневров в районах интенсивного судоходства, где введены в действие международные схемы разделения движения судов. (Применительно к космическим операциям аналогичное понимание могло бы заключаться в том, что разделение по высотам орбит для сверхбольших спутниковых систем следует рассматривать как один из возможных вариантов предотвращения столкновений как спутников одной и той же системы, так и спутников, относящихся к разным системам.)

d) Корабли, ведущие наблюдение за другими кораблями, обязаны удерживаться на расстоянии, исключающем риск столкновений, а также избегать каких-либо маневров, стесняющих действия или создающих опасность кораблям, за которыми ведется наблюдение. Корабль-наблюдатель будет предпринимать заблаговременные и уверенные действия, чтобы не создавать помех и не подвергать опасности корабли, за которыми ведется наблюдение. (Применительно к космическим операциям аналогичное понимание могло бы заключаться в том, что спутники, осуществляющие на орбите инспекционную миссию в непосредственной близости от некооперируемого спутника, в отношении которого проводится инспекция, должны работать на расстоянии, которое позволяет не превышать допустимый порог вероятности столкновения.)

e) Корабли Сторон не должны предпринимать имитации атак и не должны выбрасывать в направлении встречных кораблей другой Стороны какие-либо предметы. (Применительно к космическим операциям аналогичное понимание могло бы заключаться в том, что спутники, осуществляющие на орбите инспекционную миссию, должны избегать таких операций в непосредственной близости от инспектируемого некооперируемого функционирующего иностранного спутника, которые могут быть истолкованы оператором этого некооперируемого спутника как угрожающий (опасный) фактор или вполне определенная попытка причинить реальный вред.)

15. Известно, что для целей осуществления деятельности по наблюдению в космосе и проведения инспекционной деятельности на орбите государства время от времени позволяют своим космическим объектам осуществлять пролет вблизи иностранных космических объектов. Некоторые государства делают это практически на регулярной основе. В большинстве случаев подобные операции не приводят к негативным результатам. Тем не менее, они требуют внимания ввиду того, что бывают случаи, когда операции по сближению дают повод для недовольства или провоцируют напряженность. Следует отметить, что довольно часто к оценке таких операций применяются двойные стандарты. Когда государство анализирует или характеризует поведение другого государства, чаще всего оно оценивает его не с тех же позиций, с которых оно оценивает собственное аналогичное поведение. Подобные двойные стандарты могут привести к ситуации, когда события начнут развиваться по опасному сценарию. Было бы уместно ожидать, что изменения к лучшему в этой области станут возможными в том случае, если в отношениях между государствами будет больше доверия. Учитывая, что в отношении инспекционной деятельности на орбите каких-либо ограничений на международном уровне не установлено, Российская Федерация, руководствуясь необходимостью предотвращения действий, способных привести к негативному развитию операционной обстановки, разработала и предложила для включения в свод руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности специальный руководящий принцип о проведении операций, предусматривающих сближение с иностранным космическим объектом на малое расстояние, с соблюдением необходимых мер предосторожности. Характерный для проекта этого руководящего принципа

функциональный подход мог бы привести к появлению приемлемого метода, позволяющего определить подходы к повышению безопасности такой деятельности.

16. Корпоративные субъекты космической деятельности, конечно, хотели бы надежно обеспечивать свои интересы в космосе, и это понятно. Не является секретом, что частные операторы на практике задействуют методы и способы предотвращения нанесения вреда их собственности в космосе. Им удается в достаточной мере сохранять под контролем осуществляемую ими деятельность по снижению вредных помех в отношении их космических объектов. Тем не менее имеются признаки того, что будут предприниматься попытки закрепить за частными субъектами космической деятельности более широкие функции регулирования их собственной деятельности и создать, тем самым, предпосылки к тому, чтобы коммерческие интересы получили основания для практически независимого существования в космосе. В такой ситуации частные субъекты космической деятельности вполне могут решить, что они имеют право при необходимости использовать принудительные технические методы в отношении космических объектов, помимо их собственных. Именно по этой причине концепция самообороны в космическом пространстве в том виде, в котором в рамках некоторых юрисдикций она расширена сверх всякой разумной меры и основывается на ассоциациях и прецедентах, не имеющих какого-либо отношения к статье 51 Устава Организации Объединенных Наций, может иметь своим результатом то, что в космосе будут происходить нехорошие события. Чередующиеся критерии, используемые для обоснования права на самооборону в космическом пространстве («защита прав» служит одним из ключевых критериев для осуществления самообороны), могут стать причиной различного рода иррациональных действий. Если государства абстрагируются от необходимости следования статье 51 Устава Организации Объединенных Наций, самооборона в космосе может перестать быть тем вопросом, решения по которому принимаются только на государственном уровне. Корпоративные субъекты космической деятельности могут неверно воспринять политические установки, характерные для расширенной доктрины самообороны. К сожалению, реалии сегодняшнего дня на самом деле провоцируют подобные размышления о возможности «наихудшего сценария». По этой причине было бы необходимо классифицировать меры по предотвращению вредных помех, которые могли бы принимать частные операторы при условии получения согласия соответствующих государств. Речь не обязательно идет о выдаче специального разрешения в каждом конкретном случае. Согласие может быть выражено в форме постоянно действующих операционных процедур, которые реально служили бы руководством для частных субъектов космической деятельности. Такая процедура выдачи разрешений, в отсутствие международного нормативного регулирования, должна основываться на прерогативах государств, предусмотренных статьями VI Договора по космосу. Оптимальным вариантом было бы стремиться к международному регулированию в этой сфере.

17. В случае наличия вредных помех космическому объекту важно точно зафиксировать происходящее и определить причину вредных помех, выявить вероятный источник (вероятные источники) вредных помех и тщательно отслеживать ситуацию ввиду того, что она может постоянно и быстро изменяться (с точки зрения интенсивности и характера вредных помех). Оператору космического объекта следует незамедлительно предпринять меры к обеспечению его непрерывной безопасной эксплуатации. Немедленное реагирование, осуществляемое параллельно задействованию механизма консультаций, очевидно, включало бы: проведение орбитальных маневров во избежание возможных столкновений; изменение пространственной ориентации с целью исключения воздействия различного рода направленных излучений; использование различных технических решений, реализованных в конструкции спутника, для целей защиты его систем.

18. В случае если вредные помехи (источник которых точно установлен) не прекращаются (сохраняются) длительное время, а запрос на проведение

консультаций отклоняется или консультации заканчиваются безрезультатно, процедуры определения дальнейших действий должны предусматривать принятие решений на уровне соответствующего государства. Комплекс защитных мероприятий мог бы включать меры, направленные на предупредительные акции и поощрение конструктивного поведения. Например, использование заградительных помех может рассматриваться в качестве неотложной контрмеры для гарантирования самой возможности сохранения спутника под контролем (это означает защиту существенного интереса, согласно статьям об ответственности государств, разработанным Комиссией международного права) и продолжения его полета безопасным по отношению к другим спутникам образом (это означает учет содержащихся в указанных статьях критериев, относящихся к недопущению серьезного ущерба существенному интересу государства или государства, в отношении которых существует международное обязательство, или международного сообщества в целом). Очень важно, чтобы государства, в порядке реагирования на сохраняющиеся вредные помехи, полагались на сдержанные действия и не использовали средства и/или методы, предназначенные или с известной долей вероятности способные создать физические помехи или нанести механическое повреждение источнику вредных помех. Необходимо обеспечить, чтобы такие средства и методы соответствовали конкретной ситуации, которая должна оставаться управляемой. Ситуация не должна усугубляться, переходя в состояние угрожающей/опасной очередности событий, способной ухудшить состояние безопасности в космосе. В данном конкретном контексте государство, предав гласности факт продолжительного причинения вредных помех эксплуатации его космического объекта, не без оснований имело бы право отреагировать симметричными и/или несимметричными контрмерами для обеспечения своих прав при соблюдении требований, изложенных в данном пункте.

19. Комментарии, представленные Соединенными Штатами Америки в опубликованном на Конференции по разоружению 3 сентября 2014 года документе CD/1998, относительно определения термина «применение силы», которое содержится в российско-китайском проекте Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, могут в определенном смысле способствовать решению аналитических задач в контексте настоящего рабочего документа. Как известно, проект договора определяет «применение силы» как любое преднамеренное действие, направленное на причинение ущерба космическому объекту, находящемуся под юрисдикцией и/или контролем иных государств, в то время как под термином «угроза силой» предлагается понимать явно выраженное в письменной, устной или какой-либо иной форме намерение совершения такого действия. Соединенные Штаты придерживаются той точки зрения, что концепция «применения силы» или «угрозы силой» явно не определены в существующем международном праве и что попытки вести переговоры по согласованному определению для целей этого конкретного договора, скорее всего, оказались бы тщетными. Тем не менее в том же контексте Соединенные Штаты заявляют о том, что они не поддержали бы попытку определить эти концепции для целей данного договора, учитывая то, что существующее международное право, как это отражено в статье 2 (4) Устава Организации Объединенных Наций, уже запрещает применение силы или угрозу силой в отношении космических объектов всех государств, а не только участников любого такого договора. Логика таких рассуждений заслуживает внимания — ведь если совместить все сказанное, то получится, что применение силы в космическом пространстве запрещено, хотя и не вполне определенным образом. Соединенные Штаты далее отмечают, что определение «применения силы» или «угрозы силой» согласно статье I проекта договора ограничивается «преднамеренными» действиями, направленными на причинение ущерба, в то время как Соединенные Штаты не считают, что действие должно быть именно «преднамеренно» направлено на причинение ущерба, чтобы оно составило применение силы согласно существующему международному праву. Если в данном случае имеется в виду применение силы, санкционированное Советом Безопасности согласно главе VII Устава

Организации Объединенных Наций, конечно же, без конкретного намерения нанести ущерб, — это один вопрос. Однако проект договора не наносит ущерба Уставу Организации Объединенных Наций. Он нацелен на то, чтобы предложить критерии, позволяющие определить действия, которые представляют собой применение силы или угрозу силой конкретно применительно к космическому пространству. Можно было бы подискутировать насчет того, что применение силы или угроза силой не должны непременно ассоциироваться с намерением нанести (вызвать) ущерб. Однако практически невозможно представить себе ситуацию, при которой использование силы по отношению к космическому объекту не имело бы своим результатом нанесение какого-либо ущерба (вреда), независимо от того, было ли намерение нанести ущерб или не было. Если оставить в стороне критерий «ущерба», то было бы абсолютно правильно отметить, что «применение силы» предполагает преднамеренные действия, а «угроза силой» — заявленное или продемонстрированное намерение воздействовать на что-то силой. В контексте собственного специфического регулирования самообороны Соединенные Штаты обуславливают задействование права на самооборону в космосе наличием «враждебного действия» и/или «враждебного намерения». Разница между двумя подходами состоит в том, что Российская Федерация совместно с Китаем полагают, что «угрозу силой» было бы важно ассоциировать с заявленным или продемонстрированным намерением применить силу, в то время как другой подход в качестве главного критерия предусматривает демонстрацию враждебного намерения или предположение о наличии такого намерения. Два подхода отличаются друг от друга еще и тем, что Россия и Китай предлагают критерии в контексте нормы о запрете применения силы или угрозы силой, в то время как во втором случае критерии призваны обосновать задействование самообороны. Реализация концепций превентивной, упреждающей и предвосхищающей самообороны в качестве реакции на «враждебное намерение» была бы полностью абстрагированной от критериев, предусмотренных статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций. Игнорирование фактора определенно выраженного или продемонстрированного намерения применить силу не позволит разграничить события, которые могли или, напротив, не могли бы рассматриваться как имеющие прямое отношение к применению силы или угрозе силой, а также отдельно рассмотреть непреднамеренные угрозы (технические неисправности и/или человеческие ошибки могут негативно сказаться на безопасности космических операций и в своей определенной совокупности создать эффект применения силы или угрозы силой).

20. Если некоторые государства ссылаются на враждебное действие или враждебное намерение, тогда было бы необходимо, по крайней мере, попытаться понять, чем можно было бы руководствоваться при установлении явных враждебных намерений, достаточных для принятия решения действовать в порядке самообороны в том виде, в котором она концептуально выстроена и введена в действие теми же государствами. В действительности, более простой задачей представляется определение явного враждебного действия, нежели предрасположения к враждебному действию. Невозможность, в силу объективных причин, достижения четкого определения враждебного намерения, особенно применительно к космическому пространству, способна только привести к беспрецедентной субъективности в толковании и, соответственно, резкому повышению вероятности конфликтов. Даже самое упорядоченное понимание относительно намерения может оказаться не столь полезным, учитывая, что соответствующие признаки, которые формируют контекст вынесения оценок, могут быстро изменяться в силу условий космической среды. Указанный фактор субъективности может сыграть фатальную роль в создании условий и предпосылок для конфликта, учитывая уникальные условия околоземного космоса (свободная от границ среда, непосредственная доступность любого космического объекта в качестве потенциальной цели, особая динамика движения объекта, сложность задачи обеспечения практически непрерывного наблюдения за всеми объектами, распродоточенными в большом объеме космического пространства).

21. В настоящее время экспертное сообщество уделяет повышенное внимание вопросам применимости международного гуманитарного права к военной космической деятельности. Оценкой значения для деятельности в космосе всего того, что включает в себе указанная отрасль права, заинтересовались многие структуры, включая специализированную международную межправительственную организацию системы Организации Объединенных Наций. Вообще, ситуация с «популяризацией» этой темы довольно двусмысленная. Новый исследовательский тренд вызывает озабоченность тем, что он, так или иначе, побуждает воспринимать военные действия в космическом пространстве в качестве признанной эвентуальной реальности. Каким-то образом новый вектор дискуссии задан в то самое время, когда все чаще делаются опрометчивые политические заявления о возможности «победоносных войн» в космосе. К сожалению, подобные заявления становятся фактором политики. Если все же попытаться настроиться на позитивное восприятие темы, можно, конечно, предположить, что гуманитарное право, которое обращает внимание на морально-этические факторы и обстоятельства, относящиеся к вооруженному конфликту (войне), могло бы, по крайней мере, в определенной степени ограничить военные действия в космосе, побуждая государства к тому, чтобы воздерживаться от применения чрезмерной силы — избыточной с точки зрения достижения поставленных целей. По-видимому, необходимо также учесть, что в данном конкретном контексте фактор наличия или отсутствия в космосе оружия не играет ключевую роль, поскольку Женевские конвенции от 12 августа 1949 года предусматривают, что право войны/законы и обычаи войны применимы к возникающим между государствами разногласиям, которые имеют своим результатом вмешательство вооруженных сил (а не применение оружия как такового). Очевидно, что посредством космических систем военного назначения, которые являются частью вооруженных сил, государства обеспечивают мониторинг космоса и поддержку операций на театре военных действий, и именно эта вторая функция способна содействовать тому, чтобы наземные операции проводились при соблюдении принципов избирательности и соразмерности действий, защиты гражданского населения и гражданской инфраструктуры. Существует точка зрения, что гражданских субъектов, осуществляющих деятельность в космосе, не следовало бы ассоциировать с «воюющей стороной», применяя таким образом избирательный подход. И все же, так ли здесь все просто и однозначно? Российская Федерация желала бы прояснить этот вопрос в рамках Комитета с привлечением иных органов и организаций системы Организации Объединенных Наций. Имеется особый интерес к дискуссии с американскими партнерами по переговорам. Почему именно с ними? Потому что Соединенные Штаты в своих национальных документах подтвердили, что соблюдают принципы права войны в ходе любых конфликтов и военных операций, помимо войны, в том числе применительно к космическому пространству. Российская Федерация не делала специальных заявлений относительно «космического измерения» международного гуманитарного права. Стоило бы попытаться в рамках дискуссии выйти на общее системное понимание всех соответствующих аспектов темы. Обеспечить избирательность действий в космосе в ходе конфликта, а также ситуацию, при которой гражданская инфраструктура в космосе гарантированно не подвергалась бы нападению, не очень-то легко, если иметь в виду расширенную концепцию самообороны, о которой речь шла выше. Принятое в Соединенных Штатах регулирование предусматривает, что в порядке самообороны можно и нужно реагировать в целях защиты нации, ее сил, национальных коммерческих материальных ценностей, а также физических лиц и их собственности, да и вообще в случае «посягательства на права Соединенных Штатов». Тогда имеются все основания задать вопрос: если право на самооборону резервируется применительно к разным случаям, когда реальные или даже предполагаемые события в космосе вызывают неудовольствие или опасения, как тогда другой стороне в конфликте интересов («враждебной силе») «таргетировать» свои ответные решения или, скорее, выбирать цель для ответных мер? В таком контексте меры самоограничения вряд ли смогут выполнить свою функцию. Если в экспертном сообществе и на политическом уровне есть реальное желание прояснить вопрос о применимости

гуманитарного права к космосу, то было бы необходимо проанализировать такие темы, как гражданские дополнения военных функций и потенциальная роль т.н. акторов-посредников. В данном случае не только Российской Федерации, но и многим другим государствам следует подумать, не заимствовать ли с учетом уже сложившейся ситуации то общее понимание, которое содержится в принятом в Соединенных Штатах регулировании, предусматривающем, что категория «враждебных сил» по решению уполномоченного органа (лица) может включать в себя, помимо вооруженных сил, любые гражданские или полувойсковые силы. Оценивая саму возможность применения, при определенных обстоятельствах, «избирательных методов» в космосе, было бы полезно проанализировать соответствующие аспекты регистрации космических объектов. В представляемой Российской Федерацией в Организацию Объединенных Наций регистрационной информации в соответствующих случаях указывается, что конкретный космический объект запущен в интересах Министерства обороны Российской Федерации. Подобная практика служит целям укрепления доверия в космической деятельности. В ряде случаев военный характер или военные функции конкретных космических объектов указывали Италия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Франция. Канада указывала Министерство национальной обороны в качестве владельца или оператора одного из зарегистрированных ею космических объектов. Соединенные Штаты применительно как к гражданским, так и военным космическим объектам предусматривают унифицированную формулировку: «Космический аппарат для практического применения и прикладного использования космической техники в таких областях, как метеорология и связь». Разве не получается так, что наличие практики, при которой военный характер (военные функции) соответствующих космических объектов не обозначаются, ставит под сомнение возможность выработки политики и процедур для целей определения избирательных действий (избирательных ответных мер)? Определить, как соотносятся между собой гуманитарное право и регулятивные аспекты космической деятельности, а также выработать четкое и недвусмысленное понимание на этот счет — задача непростая. Попробовать, впрочем, можно было бы.

22. У делегаций государств-членов может возникнуть вопрос: почему рассматриваемые в настоящем рабочем документе темы предлагается проанализировать в Комитете. Ответ простой и, как представляется, логичный — потому что катализатором потенциального конфликта и, более того, формальным основанием для того, чтобы в рамках некоторых юрисдикций было задействовано право на самооборону в космосе, могут служить вредные помехи деятельности государств в космическом пространстве. Статья IX Договора по космосу лишена детализации как с точки зрения описания понятия «вредные помехи», так и в части количественных характеристик вредных помех. Очевидно, что это понятие может охватывать не только вредные радиочастотные помехи (компетенция Международного союза электросвязи), но и вредные помехи, возникающие вследствие проведения: экспериментов, предполагающих существенное изменение состояния естественной космической среды; операций, влияющих на работу аппаратуры космических объектов (например, блокирование или ограничение поля зрения бортовых оптических или радиотехнических устройств); операций инспекционного характера, в результате которых возможно возникновение угрозы столкновения космических объектов, находящихся под юрисдикцией и контролем разных государств; операций, предусматривающих осуществление несогласованного физического контакта космического объекта, находящегося под юрисдикцией и контролем одного государства, с космическим объектом, находящимся под юрисдикцией и контролем другого государства. Таким образом, понятие «вредные помехи» охватывает широкий спектр ситуаций, которые могут привести к потенциальным конфликтам. Собственно, именно это обстоятельство мотивировало Российскую Федерацию на внесение проектов соответствующих руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, по которым предстоит принять решения. Детальное рассмотрение путей и средств разрешения ситуаций, связанных с различными

вредными помехами деятельности по исследованию и использованию космического пространства, — важнейшая задача Комитета. Еще в 2014 году Комитет отметил важность проведения обзора норм международного права, относящихся к сохранению космического пространства для мирных целей. Тем не менее это решение Комитета, к сожалению, остается нереализованным. Государствам-членам следует осознать, что подобное бездействие Комитета не может не вызывать глубокого сожаления, особенно на фоне стремительно возрастающих амбиций и активности различных образовательных и прочих организаций именно в тех сферах, где должны бы в полной мере и эффективно проявляться статус и уникальная роль Комитета.
